

Друг мой Толя.

Велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему.

М. Горький

Свою фамилию – Пацуло Толик унаследовал от заезжего кузнеца, невесть откуда появившегося в нашем сибирском селе. А кузнец оказался отменным мастером своего дела. Под его молотом металл не только принимал нужные формы изделия, но и приобретал ту притягательность исполнения, которая дана мастеру высокого класса. Однако, он не только умело колдовал над металлом в своей кузнице. Ровно за две недели сумел он околдовать и нашу соседку - перестарку Варьку. Не успели толком мужики отгулять свадьбу, как завязалась война с финнами. Кузнеца «забрали» через два месяца, когда Варька уже заметно «забрюхатела». Больше о нем никто в нашей деревне не слышал. Второй раз Варька вышла замуж, когда Толику исполнилось два года. Вышла поспешно, необдуманно, за одноногого фронтовика Семена.

Может быть, и «заладилась» бы у них совместная жизнь, да все испортила Варькина привычка - тащить все в дом. Её и обвинять – то в этом особо не стоило: бедность смотрела из всех углов её ветхого жилища. Старая мать – Федора Иннокентьевна, искалеченная хворью, была Варьке слабым помощником в семейных делах. Вот и везла Варька всё семейство, вместе с лодырем – мужем, одна на своей хребтине. Да перестаралась. Нашелушила днем спелой пшеницы на колхозном поле, ссыпала в матерчатую сумку и припрятала недалече в ложочек у дороги. А мешочек-то оказался с дырочкой. Вот и оставила Варька ночью пшеничный следок от самого лога до своей бани.

Забрали Варьку в обед прямо с колхозной фермы и отвезли в район. Через неделю «дали ей десять лет» и отправили в женский лагерь Орлово – Розово. Одноногий Семен каким-то образом сумел после Варькиного приговора уехать из деревни. Остался Толик теперь один на один с бабушкой, с голодом, с холодом.

Военные годы нашего детства, безотцовщина выровняли всех нас, погодков, общей Судьбой. И эта Судьба наделила всех нас, без разбору, вечно сваливающимися с тощего живота драными штанами, да постоянным чувством голода. Она же, Судьба, объединила нас в единое Семейство со звериным упрямством, а скорее с неосознанным стремлением, – жить. И та наша Жизнь воспринимается сейчас, как нечто невозможное.

Толик рос слабым, болезненным. Не успеет бабушка Федора вылечить одну его болячку, как тут же подкрадывается другая. «Сиротинушка ты моя, - часто причитала она, - у меня уже сил нет тебя выхаживать. Выздорови на этот раз, а то я рядом лягу».

Видно крики бабушкиного сердца дошли до Бога, и Толик начал выздоравливать. Ушла со временем куда-то хворь, и в скором времени, гарцевали мы уже по тропе от дома к реке, черные от загара, с облупленными носами.

Мне часто кажется, что смотрю я на наше детство с высоты птичьего полета, пытаюсь увидеть его в самом начале, но оно все больше и больше затягивается облаками времени, высвечивая только некоторые, наиболее яркие картинки. Однажды ненароком нырнул Толик в мелководье реки, а его отшвырнуло к омуту, и начал он тонуть. Плавать же пока могли мы только «по-собачьи» и то метра три, не больше. Нырнул я с берега за ним, поймал под водой за руку и, пока хватило воздуха в легких, тащил вверх. Вынырнули разом у самого берега, вылупив от страха и напряжения глаза, «рыгая» речной водицей. А когда я ненароком, во время сбора ягод, наступил на гадюку, и она меня «цапнула» за щиколотку ноги, Толик, не раздумывая, прилип губами к ране и отсосал яд. Нога, конечно, опухла и меня тошнило, но через два дня я уже играл со всеми в «чижика».

Бабушка Федора умерла, когда нам с Толиком надо было идти в третий класс. Похоронили её сельчане, помянули по старому обычаю и оставили ревущего Толика одного. На следующий день заколотили мы с бабушкой

Варькин дом и увели Толика на житье к нам домой. Так и появился в нашей семье пятый голодный пацан.

Учеба для нашей «голытьбы» была не в тягость. Мы все усваивали со слов учительницы, а дома тренировались из гусяного пера делать ученические перья, да из сажи варить чернила. Все пережили, но зато на отдельном листочке, за подписью учительницы, выложили перед бабушкой свои «пятерки» и были вознаграждены за это патокой из свеклы и горбушкой черного хлеба.

Варька вернулась домой после «отсидки», когда мы закончили уже пять классов. Походила по своему двору еще молодая женщина, повздыхала и начала все прибирать. Толю забрала она от нас только через три дня.

За время нашей совместной жизни и учебы, мы до того породнились с ним, что вначале даже не осознали произошедшего. Вечером унылый Толик заявился с каким-то сообщением, но говорить не стал, и мы, как прежде, начали укладываться спать. В наступившей тишине скрипнула входная дверь, и я сквозь сон услышал крик Толи. Это Варька стегала тонким прутом сына. Мой детский мозг был поражен произошедшим. При всей нашей бедности, физически никого из нас бабушка не наказывала. А тут...

Минут через десять выскользнул я за дверь и, стоя за углом Варькиного дома, прислушался к происходящему внутри. А оттуда доносился Варькин крик и визг избиваемого Толика. Этого я уже вытерпеть не смог. Четвертинка кирпича взрывом ночной тишины влетела в хату через единственное застекленное окно. Возня в доме прекратилась, и я, с чувством гордости за спасение друга, тихонечко вернулся к себе домой и тут же уснул.

Со следующего утра путь в Варькин дом для меня был закрыт. Это я понял сразу, когда побежал попроведать друга, по Варькиному виду с прутом в руках.

Не успел я ретироваться, как из-за угла дома вынырнул Толик, и мы «рванули» с ним на реку.

А вечером Варька опять секла сына прутом. На следующий день приняли мы с ним решение совершить побег и жить в лесу, для чего необходимо было вырыть землянку и сделать запас еды.

Маленькое, тоненькое чувство облегчения наступило для нас через три недели упорного детского труда. Землянка с печкой и нарами была готова. Оставалось только снять с заброшенной бани дверь и поставить на вход.

За этим занятием и «застукала» нас Варька. Прутом попало каждому. Двое суток укрывались мы в нашем убежище, но голод сделал свое дело. Когда я заявился к бабушке за провизией и засобирался назад, ворвалась в дом Варька и со слезами на глазах, рвущимся голосом начала меня упрашивать вернуть сына в дом. Бабушка, заручившись Варькиной клятвой, что та «пальцем теперь не дотронется до своего сына», послала меня за Толиком.

Мы опять были вместе. Сколько все же в жизни сложного, запутанного? Наверное, соседка понимала, что её жизнь зашла в какой-то тупик, из которого нет пока выхода. Надорванная психика все равно искала хоть какую-то лазейку и не находила. А тут еще и сын отвык от неё за годы скитаний. Вот и был он за это бит.

Вроде бы и наладились спокойные ровные отношения Толика с матерью. Но это только внешне. Семена раздора между сыном и матерью проросли и буйно зацвели через два года, когда Варька опять вышла замуж и уехала в соседнюю деревню. Толя остался в своем доме один. А если уж более точно, то мы опять жили вместе.

Вместе закончили семь классов и расстались. Я перебрался с бабушкой в райцентр продолжать учебу, а Толя поступил на учебу в училище механизации. Перед этим произошел случай, который ещё прочнее укрепил нашу дружбу при решении сложных жизненных задач.

Получив свидетельство об окончании семи классов, Толик, по неосторожности, свернул его в трубочку, перетянул резинкой и засунул в пустой горшок для цветов, что стоял на подоконнике. Надо же было так случиться, что на долгом солнцепеке оказалась именно та часть свидетельства,

где стояла печать. Вот эта печать за лето напрочь выцвела, вроде как и не было её. Тут-то мы и закручинились. Мне надо было уже уезжать, а Толику через два дня необходимо было взять документы в училище, а свидетельства об образовании-то нет. Нужен был выход из этой ситуации. И мы его нашли.

Однажды я услышал разговор двух бывших «зэков», что печать можно переснять вареным яйцом. Вот это-то я и вспомнил, когда от безысходности у моего друга навернулись даже слезы. К действиям приступили сразу. Сварили круто куриное яйцо, аккуратно его очистили до белка, прокатали печать моего свидетельства и медленно этот отпечаток прокатали по выцветавшему месту печати Толиного свидетельства. Нашему восторгу от сделанного не было предела. Перед нами лежали два свидетельства о семиклассном образовании, заверенные подписью директора школы и слегка бледноватой, но четкой печатью.

Последующие годы учебы для меня прошли в новых школьных заботах и с Толей мы встречались теперь быстротечно, зачастую случайно.

Школьные годы пролетели незаметно. И вот мы уже танцуем с нашими девчонками на выпускном вечере, бродим по тихим утренним улицам райцентра, клянемся в любви, прощаясь целуемся. Но нет полного ощущения радости, нет рядом моего друга.

Наскоро переодевшись, вскочил я на велосипед и помчался в деревню к Толику поделиться своей радостью по случаю окончания школы и сообщить о моем скором отъезде на учебу в институт.

Три года не был я в своем селе, расположившемся в развале трех холмов, в окружении хвойного леса и красавиц берез. По обе стороны села говорливо несли свои воды две реки и, слившись за селом, шумели своими водами в русле Серты. Широкие, размашистые улицы, с множеством колодцев, красотой палисадников у хат, создавали какой-то особый колорит Сибирского селения. Колхоз назывался весьма оригинально – «Красный Флот». Откуда взялось это название, никто толком не знал, но земли здесь были богатые и хлебные поля всегда славились полновесным колосом.

Так было. Даже после войны на трудодень колхозникам выдавали по два килограмма зерна.

Но то, что я сейчас увидел, как только переехал через мостик и въехал на центральную улицу, невольно заставило меня соскочить с седла велосипеда. Когда-то широкая, зеленая улица, по которой мы бегали босиком по мягкой мураве, выглядела, как поле битвы: рытвины, тракторные колеи, кучи навоза и забитые крест - накрест окна домов. Гордость колхоза – конный двор, маячил вдали рёбрами стропил обвалившейся крыши. Отовсюду смотрела на меня во все глаза разруха и человеческое безразличие, когда никому ни до чего нет дела.

Толика я разыскал только часа через два на дальнем колхозном поле. Заглушил он свой ДТ, и пошли мы «присесть» для разговора на наше любимое место к обрывистому берегу реки. Замелькали от увиденного перед глазами картинки детства, хмелела голова от дурманящих полевых запахов, и мы, не сговариваясь, разом скатились вниз к реке, раздеваясь на ходу, и нырнули в глубь омута, где совсем недавно тонули. Вдоволь накупавшись, легли на горячий песок и разговорились, подставляя спины и бока солнцу.

- Толя, что происходит с деревней? Почему все разрушено? Куда уехали люди?

Толик долго молчал, но, наконец, поворачиваясь на спину и не открывая глаз, произнес:

- Я считаю, что наши беды от глупости районного начальства и от нашей прежней боязни высказаться, - опять замолчал и, резко поднявшись на ноги, продолжил, - год назад, собрали нас в клубе на общее собрание и объявили, что мелкие колхозы для государства не выгодны, нет высокой производительности труда. Якобы мелкое колхозное хозяйство не дает возможности организовать специализацию хозяйств по основным видам производства продукции и тем самым тормозит внедрение механизации и автоматизации. Для искоренения этого необходимо на базе нескольких колхозов организовать крупный совхоз.

До самого утра проговорили, убеждая друг друга. Только вот разошлись ни с чем. Но страх в душу забрался каждому. В начале на работу не пошли многодетные женщины, затем запили мужики. А ночами начали растаскивать по домам колхозное добро, кто что унесет. Не прошло и двух месяцев, как практически не стало колхоза. В придачу ко всему еще и председатель с сердечным приступом попал в больницу. Районные начальники народ-то взбаламутили, а сами глаз не кажут.

- Но в районе же неглупые люди. Наверное, все взвесили и перемерили. А?

- Не знаю, – вяло ответил Толик и прилег на горячий песок, прикрыв своей кепкой глаза.

От ночных прогулок и велосипедного пробега клонило ко сну. Свежесть реки и мерное бултыхание на перекате усыпило меня. Проснулся от какого-то сопения. Это Толик соорудил из своей куртки тень, чтобы я не подгорел на солнце.

- Ну и спать же ты! – радостно приветствовал мое пробуждение Толя и, ухватив за ногу, потащил в воду.

От реки отошли только к обеду, когда желудок дал о себе знать и звал кушать.

Решили так: Толя отгонит трактор на место стоянки, а я на велосипеде подкачу к ручью за околицей и там пообедаем. Хитровато улыбаясь, дружок мой произнес: «Сегодня наш праздник!»

Дорога к ручью за околицей, где рядом бил фонтанчик родника, шла через верхний край деревни, где совсем недавно стояли новые постройки. Я и сейчас пытался их увидеть, даже притормозил велосипед, но увиденное второй раз сегодня вызвало скорбное недоумение. Еще новенькая библиотека стояла без окон и дверей, фельдшерский пункт был почему-то наполовину разобран, а деревянные грибочки детского сада наклонились, как бы прощаясь со всеми. «Как же так можно, – думалось мне, – все это пустить на разграбление?» Не

найдя ответа, принажал на педали велосипеда и через пять минут оказался у цели.

Напившись холодной водицы родника, пристроился я под раскидистой талиной и задумался, глядя вдоль огородов. Вспомнилось почему-то именно сейчас, как ползли мы с Толиком на брюхе от этого ручья до огорода деда Пехенько воровать ранние огурцы, и как бежали по картофельной ботве, спасаясь от его собаки, и как нам было стыдно на следующий день, когда он принес нам домой корзину огурцов. Вспомнилось, как мы воспитывали в себе волю и преодолевали страх, пробираясь к могильным крестам. Из рассказов старших следовало, что ночью, когда все спят, на добычу выходят колдуны в виде кошки или собаки. И как бежали от могилок, когда рядом с крестом замяукала кошка. Я бегу за Толиком, боясь отстать от него. Сердце так бьется в груди, того и гляди выскочит, а от страха хочется «отлить», но мы летим в сторону дома, не останавливаясь. Здесь, под этой талиной, соревновались мы в меткости стрельбы из самодельного лука. Здесь учились кидать в цель нож. Толик во всех этих упражнениях был способней меня.

Вот и сейчас подкрался он настолько неслышно, что я даже вздрогнул, когда он опустился рядом со мной, и начал раскладывать на тряпицу снедь. Чего тут только не было? Огурцы соленые, вареные куриные яйца, две головки лука, картошка в «мундире», соль, буханка хлеба и бидон с какой-то жидкостью, которую Толя поставил в холод ключевой воды. По аромату из-под крышки бидона я понял – это медовуха от деда Пехенько.

Мы пили стакан за стаканом холодный хмельной напиток, закусывая принесенным, и каждый из нас понимал, что это последнее свидание с детством и скоро дороги взрослой жизни разведут нас в разные стороны.

Я уже был студентом первого курса института, когда получил от Толи телеграмму, что его забирают в Армию. На станцию отправки воинского эшелона с новобранцами я опоздал и прибыл через час после его отбытия.

Первое письмо от друга получил я месяца через три с «учебки» под Ленинградом. На мои ответные письма, – никакого сообщения. Долгожданное,

коротенькое письмо от Толи получил я из Печенги Мурманской области. Из чего я понял, что служит мой дружок в пограничных войсках и охраняет рубежи нашего Союза с Норвегией.

На втором курсе, по новой образовательной реформе высшей школы, отправили нас на целый год приобретать рабочую профессию. Что меня подтолкнуло к протесту? Не знаю. Скорее всего, глупистика этой реформы и желание не отстать от Толика. По моему заявлению отчислили меня из института, и через месяц поезд увозил меня служить на Балтийский флот. Здесь все напоминало историю Петра I. Город Балтийск, где в меня «вдалбливали» морское дело, весьма часто «старички» называли – Пиллау, а Балтийское море – Варяжским. Порт Клайпеда в Литве непременно называли – Мемель.

За три года моей службы побывал я в разных наших портах и заезжал к соседям: Любек, Копенгаген, Турку, Хельсинки. И везде нас встречали местные «служивые» и «гражданские» с нескрываемым любопытством и уважением.

В своем последнем письме Толя сообщил, что скоро «дембель» и возвращается он назад в деревню к матери, где у него теперь три сестры.

Перед моей демобилизацией получил я от друга весточку, что трудится он трактористом в соседнем селе, а нашего села вообще уже нет.

О своем прибытии домой я сообщил заранее с оговоркой точности в два дня. Наконец-то замелькали впереди знакомые станционные постройки и поезд, простучав на стрелках, подкатил к перрону вокзала. Первый из вагона вышел бравый старшина второй статьи и, не успев сделать и двух шагов, тут же оказался в объятиях старшего сержанта – пограничника. Это был Толик. Оказалось, что он меня ждет на вокзале уже двое суток. Не разжимая рук, так и дошли мы до автобусной остановки.

Остался позади шумный вокзал, замелькали знакомые березки, разбегающиеся по сторонам полевые дороги, и оседающая за нами пыль открывала широты знакомого края. Автобус, кряхтя, вползал на горки и, делая затем разгон, усердно тряс всех по ухабам гравийной дороги.

Толик, удобно пристроившись к моему плечу, спал, изредка улыбаясь чему-то. Его лицо не отражало вроде бы ни какой тревоги, но небольшая складка на лбу заставляла меня все чаще и чаще, и все пристальней вслушиваться в интонацию его голоса. Ровный Толин голос, по-сибирски громкий, выдавал порой нотки тоски и печали. « Выспитесь, расспрошу», - решил я и поудобней подставил плечо под отяжелевшую голову друга.

При въезде на мост нас последний раз хорошенько потрянуло, нарушив Толин сон, и мы, весело расхохотавшись, двинулись к выходу. Вот оно долгожданное родное село с такими же широкими улицами, знакомыми и незнакомыми палисадниками, приветливыми лицами людей. Нас узнавали и не узнавали, здоровались, а иногда молча проходили мимо, завистливо провожая взглядом.

Весть о нашем прибытии долетела до родителей со скоростью велосипедных гонок местных пацанов, видевших нас на автобусной остановке.

Сколько прошло времени? Целых четыре года! Щемяще – сладостная боль внезапно коснулась сердца при виде родительского дома. Если бы не было рядом Толи, наверное, не сдержался бы – побежал.

Дом наш, в окружении сосен и берез был хоть и невелик, но рублен в лапу и от того на вид казался коренастым и прочным. Особую привлекательность придавала ему небольшая полянка, в кольце раскидистых черемух. На этой полянке был сейчас устроен длинный стол, вокруг которого суетились люди: молодые и старые, знакомые и незнакомые. Все что-то несли, расставляли, считали, раскладывали. Нас ждали.

Издавна повелось на Руси – мужчин с Поля Брани и Службы Государевой встречать обществом за добрым столом. Вот и сейчас, - заходи любой, кто пожелает. Народу собралось много: тут были родственники, соседи и приезжие, но места за столом хватило всем. Вижу среди присутствующих Толину маму – Варвару с тремя дочками, замечаю двух своих одноклассниц с детьми, директора школы и, конечно же, своих друзей – стариков с женами.

За общим шумом и суетой приготовления к встрече, наше появление оказалось все же чуток неожиданным.

- Старшина второй статьи Краснознаменного Балтийского флота, после службы, прибыл для выполнения своего гражданского долга! – бросив руку к бескозырке, громко прокричал я, как только ступил во двор.

На поляне воцарилась тишина, но стоило только Толику добавить, что старший сержант пограничных войск клянется мне в этом сейчас помочь, - началось невообразимое.

Меня обнимали, целовали, плакали, чинно здоровались, а я, обняв мать, воспринимал все это, как во сне, будто я еще в открытом море и кругом шумят волны. Выручил Толик, засунув мне в рот весьма крупный кусок пирога, успевая «перемалывать» такой же.

Пока я мылся в приготовленной бане, Толик усердно трудился над моей парадной формой и вытягивал утюгом стрелки на клешах.

Наконец – то все расселись за столом, и потихонечку суета стала затихать. Мужчины разлили по стаканам водку, а три проворные молодые женщины, с хозяйской хваткой, разносили холодную окрошку. Прижавшись к нам, сидели наши матери, не выпуская рук, как бы боясь, что сыновья опять надолго их покинут. Они надеялись, хотя знали, что это может произойти в скором времени.

После многочисленных приветствий и тостов за столом все отчетливее стали слышны веселые подвыпившие голоса.

- Смотри, как богатыри сидят Вовка и Толик.

- Как братья.

- А что ли не братья? Столько лет вместе.

- Хорошие парни получились.

- Ох, и досталось же им. Без отцов ведь выросли.

- А у моряка наша закваска – фронтовая.

- Молчи уж, старый, а то я тебе припомню, как вы его за водкой в магазин «гоняли».

- А девки-то, девки, как зыркают на них.

- На то они и бабы, что бы перед мужиками задом крутить.

- А матерям то радость какая! Смотри, так и сидят, прижавшись. Все не могут никак на сыновей налюбоваться.

- А учителька наша, Тамара Андреевна, кажется, на Толика «глаз положила».

- Ты, старая, совсем в людях не разбираешься. Не она, а он на нее давно уже пялится.

- Хватит судачить! Давайте выпьем за их здоровье и пожелаем им добрых жен.

Часа через два общее застолье расселилось по интересам. Старики оказались в одной стороне, а молодежь в другой, ближе к моим песням под гитару. Так и увел я их в скором времени на берег реки. Проворный Толик, естественно, не без помощи наших матерей выложил под березу легкую выпивку и закуску. Мы пели, танцевали, говорили на темы земных забот, не забывая и про любовь.

То, что Толику нравится учительница Тамара Андреевна, я заметил еще за столом. Но она вела себя с ним, как мне показалось, слишком снисходительно, вроде как к чему – то второстепенному. Меня это разозлило. И я решил добраться до истины.

Улучив момент, когда все были увлечены рассказами Толи о службе на границе, спросил я:

- Тамара Андреевна, не Ваш ли брат Владимир учился со мной в школе?

- Да.

- Тогда выходит, что и меня Вы знаете?

- Если бы не знала, не пришла бы встречать.

- Получается, что и Толю Вы знаете?

- Анатолия Григорьевича я знаю, как ученика десятого класса вечерней школы, и скоро у него выпускной вечер.

-А вы строги со своими учениками?

- Я не строга. Я требовательна к себе и к ним.

- Тамара Андреевна, я Вас очень прошу быть более ласковой к Анатолию Григорьевичу. Ранним он очень.

- Ранним? Ха-ха-ха.

- Вы завтра будете в школе?

- Буду.

- Можно ли вечером зайти в гости?

- Гостям всегда рада. Но зачем же в школу? Приходите ко мне домой. Мама как раз завтра напечет пирогов. Угощу.

Нам не дали договорить. Принесли гитару, и я запел про « карие очи », про «очи девушки одной».

Расходились шумно, на самом рассвете, когда и солнца еще нет, а его лучи из-за горы и леса уже всю разрисовали небо причудливыми цветными облачками.

Присели мы с Толей за большой стол на поляне, которая только недавно освободилась от людского гомона и, обнаружив под рушником еще теплые пирожки, набросились на них, урча и посмеиваясь. Насытившись, улеглись на приставленные скамейки и замолчали, глядя в светящее небо.

- Ну и как тебе наша Тамара Андреевна? – первым начал разговор Толик.

- Хороша! Нет слов! Но есть лучше, - позевывая ответил я и с хрустом потянулся.

Понурия голову и придерживая чуб рукой, Толя медленно встал, присел рядом со мной и выдал самое сокровенное:

- А знаешь, братишка, полюбил я ее. Сердце щемит постоянно от этого. Кричать хочется. А вот боюсь ее и все тут. Ночами кружу около ее дома. Она все видит, а делает вид, что ей наплевать на мои мучения.

- Толя, ты ведь никогда не был трусом, что же теперь боишься признаться девушке в любви?

- Верить, Володя, не могу насмелиться. Помоги!

- Хорошо, - голосом заговорщика ответил я. – Завтра в обед идем к ней в гости. Приглашение имеется.

Не успел я закончить эту фразу, как тут же меня «оседлал» Толик и, схватив мою голову, начал трясти, приговаривая:

- Это правда? Да? Правда? Почему молчал? Мог бы и порадовать!

- Так пироги же мешали разговаривать, – расхохотавшись, прорычал я и сбросил с себя влюбленного.

- Спать... Спать... - вместе с нами проскрипели ступени, и принял нас в объятия родительский дом.

Какое же это прекрасное время – ночь перед рассветом, когда все кругом спит, и можно еще раз окунуться в море мыслей о прошедших и будущих днях. Может быть, многие дни и были «глупыми», но они вспоминаются радостно, без какой-либо черноты, в общих прелестях прошедшего времени. Мы с Толиком были уже взрослые, но с той долей детства, которая во все наши действия сегодня добавляла много-много оптимизма. Мы были молоды, молоды. Наша молодость отодвигала от нас реальность: что скоро уж не будет у нас таких долгих встреч, этих прекрасных ночей и той доли беспечности, которая роднит нас всех в этом возрасте.

Как я и предполагал, первым проснулся Толик и уже успел умыться. Делая вид, что я еще сплю, наблюдаю за его пляской вокруг стола. Это он «колдует» над своей амуницией с утюгом в руках, иногда чертыхаясь, когда заглаживаются две стрелки на брюках. По его испарине на лбу можно было догадаться, что занимается он этим уже давненько. « Влюбленный чистит свои фазаньи перья» - ехидненько проворковал я и бросился к двери на выход. Не успел. Мокрая тряпка с шумом шлепнулась о мою спину.

К дому учительницы с букетом полевых цветов подходили мы точно в час по полудню. Пришли в удачное время. Женщины накрывали на стол.

По первым Толиным жестам, по его скороговорке понял я, что ждать от него чего-то вразумительного, «двигательного» сегодня не придется, и вся миссия нашего визита ложится на меня.

О, я был в ударе! Compliments и афоризмы так и «перли» из меня. Я успевал расхваливать пирожки, одновременно вспоминая школьные годы, вклинивая в общий разговор моменты морской службы и, как бы между строк, сетовал на свое одиночество и одиночество Толика. Ко всему этому, я еще и сумел убедить сидящих за столом, что скоро уеду на учебу и, скорее всего, сюда приеду не скоро, а Толик останется здесь один без надежного друга и подруги. Вот поэтому мы и напросились в гости, чтобы просить Тамару Андреевну взять над Толиком «шефство».

Когда я заметил, что мое «балабонство» растапливает лед отчуждения между Толиком и Тamarой, увел ее маму подальше от стола и начал расспрашивать о ее сыне – моем однокласснике.

Минут через тридцать скрипнула дверь, и за ней скрылись ученик и учительница. О чем уж они там на улице говорили, не знаю, но по сияющей физиономии друга я понял, что «дружеская спайка» между ними определилась.

Первый успех надо было закрепить, и я предложил Тамаре отправиться сейчас с нами в поход на поиск клада, который я ищу уже четыре года. А чтобы нам было в путешествии нескучно, можно «прихватить» несколько пирожков.

Решили и постановили. Сборы были недолгими, и ушли мы вдоль берега к сосновому бору, к голубой глади озер и говорливого ручья.

Пока мы продвигались к намеченной цели, рассказал я своим попутчикам историю предполагаемого клада.

- Когда я уехал в другую школу, то познакомился с разъездным киномехаником. Этот добрейшей души человек поведал мне, что однажды, охотясь на барсуков, недалеко от русла реки, обнаружил большую пустоту. Копать сам не стал, решив, что там клад, а предложил это сделать совместно. Место он мне это на словах обрисовал, и мы договорились пойти на раскопки в воскресенье следующей недели. Трагедия произошла в пятницу, ровно за два дня до нашего похода. Остановилось внезапно сердце сорокапятилетнего мужчины.

Ситуация сложилась так, что только теперь, через четыре года, решился я на поиск этого «клада».

Пока я рассказывал эту историю клада, парочка позади меня шла молча рука в руку. Но когда настал момент форсирования ручья, начались женские вскрикивания. Это Тамара пыталась босиком ступить в холодную воду ручья, но каждый раз выскакивала назад на берег. Когда я уже удалился от своих попутчиков на почтительное расстояние, сзади наступила тишина. Оглянулся и чуть не расхохотался от увиденного. Стоит мой Толик на середине ручья, держит свою Тамару на руках и целует. А она обвила его крепкую шею руками и застонала от этих откровенных поцелуев. Последний раз я оглянулся на отставшую парочку, когда ступил на поляну поиска. Они опять целовались!

Влюбленные пришли, когда я уже подготовил нашу стоянку, соорудив теньевую завесу, и натаскал из ручья увесистые камни.

Я видел много «чекнутых» от любви молодых людей, через какое-то время и сам «чекнусь», но эти двое существовали только для себя, не видя ничего вокруг, даже меня. Поняв, что от них помощи не дождусь, вручил я им пустую фляжку для воды и отправил к дальнему роднику, что бил из-под кручи горы.

Пока не было влюбленных, начал я свои поисковые действия. Разложил через шаг фронтально метров на десять камни и начал их поочередно подбрасывать. Взлетит камень и падает. Если звук глухой – пустоты в этом месте нет. Нет пустоты – нет клада. За этим занятием часа через полтора и застали меня Толя с Тамарой. Удивившись моей находчивости, начали и они усердно бросать камни, заглушая звук своим хохотом. « Да, эти, кажется, свой клад уже нашли», - улыбаясь нежному чувству к друзьям, подумал я и отошел в сторону.

Присел я поодаль, чтобы попить холодной водицы, но фляжка оказалась пустой. То ли они не дошли до источника, то ли выпили сами, пока отсутствовали, но факт есть факт. А они даже не заметили, что я ушел к дальнему источнику.

К стоянке вернулся я минут через тридцать, но влюбленных не обнаружил. Расчехлил гитару, и разнеслась с переборами струн песня:

« В поле за околицей, там, где ты живешь,

И шумит, и клонится у дороги рожь...

...Вот ведь как случается в жизни иногда...

Видно счастье поровну поделить смогли

Оба в одну сторону, обнявшись, ушли».

Солнце потихоньку начало уже цепляться своими лучами за горизонт, когда подошли измученные, уставшие, но такие счастливые и влюбленные Тамара и Толя. На мой немой вопрос о причине их долгого отсутствия я услышал такой красочный рассказ о восхождении на гору, падение с обрыва и многое, многое другое.

Я слушал их радостное вранье в два голоса, а сам, глядя на них и радуясь вместе с ними их счастьем, подумал: « Вот и все, ребятки. Я сделал все возможное и даже немного больше, чтобы вы оказались вместе. Теперь Вам выбирать свой путь. Господи! Как же увлеченно они врут мне. Ха-ха-ха!»

Но вместо этого я сказал: « Я сейчас с вами попрощаюсь и пойду собираться в дорогу. Недели через две вернусь и надеюсь, что за это время вы не поссоритесь. А твоей маме, Тамара, я сейчас сообщу, что ты с нами осталась на рыбалке».

По общему молчанию я понял - решение мое верно. А они обняли меня с двух сторон и разом прошептали: « Спасибо».

Звенит гитара, звучит песня, разнося по округе радость за счастье друга.

С детства люблю май за юность года, а июнь-июль за его расцвет. Небеса в это время непостижимой синевы, а земля вся в зеленом убранстве. Все кругом: луга, лес, гладь озера и этот легкий туман утверждают – в этом только начало, только исток нашей надежды.

Будильник прозвенел ровно в шесть. Вскочив по звонку, делаю зарядку и начинаю приводить себя в надлежащий студенческий вид. Поезд уходит в

десять утра, а поэтому надо поспешать. Пока укладывал чемодан, мама пожарила глазунью и со слезами на глазах смотрела, как я ловко ее «уплетаю».

К остановке успел вовремя. Через пять минут я уже трясся по дороге на станцию. До отхода поезда оставался ровно час, и я спокойненько присел на скамейку недалеко от перрона, наблюдая издали за вокзальной суетой. Минут за пятнадцать до прибытия поезда вышел я на платформу, и тут же на меня налетели запыхавшиеся, пыльные, чумазые, но до одури счастливые Толя и Тамара. И началось, и началось: и какой я черствый человек, потому что унес вчера гитару, и им без меня было скучно, и как я посмел сегодня утром их не дожидаться, а им из-за этого пришлось угнать мотоцикл, и, слава Богу, они все же успели. От души хохоча, я все же дождался конца этого милого вранья и, обняв их, поцеловал. Так и расстались. Видел я в окно вагона, как стоят они, обнявшись, на перроне, ошарашенные своим счастьем, и не замечая никого, машут мне прощально рукой. Не мог я знать в этот момент, что вижу Тамару в последний раз.

В институте я задержался с оформлением на продолжение учебы несколько дольше обещанного и не знал, что по приезде попаду не на свадьбу друга, а на похороны Тамары. Убили ее два пьяных заезжих «шабашника» - вчерашние заключенные, при попытке к изнасилованию. Одного участковый пристрелил на месте, когда тот на него бросился с ножом. Второму удалось скрыться в лесу. Двое суток без сна и отдыха выслеживал его Толик и все же «взял». Избитого до полусмерти приволок его Толя ранним утром и бросил на площадь перед Сельским Советом, а сам отполз в сторону и заревел на всю улицу.

Горе было общим. Хоронили Тамару Андреевну всем селом. Стон и вой стоял над селом, пока несли на руках гроб от дома до могилки.

Я не успел на похороны ровно на два часа. Не могу сейчас вспомнить, что меня насторожило, когда я сошел с автобуса: не то необыкновенная тишина, не то отсутствие вездесущих пацанов на остановке, а, может, даже собственное предчувствие. Но это «что-то» преследовало меня до самого дома. Калитка и

дверь дома были раскрыты настежь, а внутри за столом в черной одежде сидели наши мамы и плакали, прикрыв лица платками. А на диване лежал с закрытыми глазами, постаревший, с сединой в волосах - мой друг Толя. Увидев меня, обе матери бросились ко мне на шею, и началось такое, что я и сегодня еще без содрогания не могу вспоминать.

В конце концов мне удалось услышать подробности о разыгравшейся трагедии. Ничего не объясняя, вскочил я на велосипед и помчался на кладбище.

Что же ты делаешь, Судьба? За что губишь души людские и Любовь? Нет ответа!

Трое суток Толя молчал. Три ночи уходил он из дома к Тамариной могиле. На четвертый день собрал он свой походный чемодан и отправился в областное Управление Внутренних Дел, а оттуда в Высшую Школу милиции в город Омск. Дошли мы до автобусной остановки, молча обнялись на прощание, не говоря ни слова. Уже с подножки автобуса крикнул дрожащим голосом: « На девять дней поклонись за меня Тамаре!»

Решение об отъезде в институт окончательно сформировалось в моем сознании через неделю. Пусто как-то стало в доме без Толика. Грустно без друга.

Ближе к ночи прошел я на кладбище, оставив позади поселок, поклонился свежему могильному холму и заспешил назад. Не доходя до моста, спустился к реке, опустил в воду ладони и постепенно начал успокаиваться.

Придя домой, я, не зажигая света, разделся, нырнул в чистую постель, попытался тотчас же уснуть с единственным желанием – побыстрее проснуться в возможно счастливом завтрашнем дне.

Студенческие будни вновь втянули меня в эту никем не ограниченную вольную жизнь: от одних забот до других, от сдачи зачетов до поиска денег на обед, от поцелуев до бесстыдного откровения со студентками.

Теплый ветерок из открытого окна общежития шевелит тетрадный листок Толиного письма. В память врезались строки: « Мне очень хочется домой в деревню... Самое страшное потихоньку отодвигается в глубь моего сознания.

Да! Совсем забыл написать: здесь учатся и девушки. Тебя бы сюда с гитарой, вот был бы переполох в их казарме. А пока все учеба, учеба, учеба». А под конец, как вопль, как стон: « Гадов этих, что мешают людям жить, я буду давить и давить! Это моя клятва Тамаре!»

Так и общались мы с Толей целых два года через короткие письма, излагая только суть жизненного течения.

Пролетели еще два года. Письма от Толи внезапно прекратились. А меня, после окончания института, направили в город Армавир.

Связь с другом прервалась, и о нем я узнавал только по скудным сообщениям из писем мамы. Из этих же писем узнал я, что Варькины дочери повыходили замуж и одна из них живет в Краснодаре, там же сообщался не только адрес, но и телефон.

На следующий день я дозвонился до Краснодара и от Лены (так звали Толину сестру) узнал, что Толик в звании майора давно находится с женой Светланой и сыном на службе где-то в Алжире и что в этом году вместе с семьей обещал приехать в гости к матери. Загадка долгого молчания друга для меня прояснилась. На всякий случай я оставил Лене свой адрес и телефон в Армавире.

Лена позвонила где - то через месяц и сообщила, что от Толи на мое имя прибыл из Алжира попутной оказией пакет.

Ранним утром, въехал я в уже шумные улицы Краснодара. Много приятного можно сказать об этом цветущем городе, о его новых и старых постройках, хранящих облик их времени. Что ни улица, что ни дом – целая история. Даже о своей реке Кубани, об огромном водохранилище местные казаки могут говорить часами, увлекая слушателей в прошлое и рисуя будущее. А если и приврут немного, приукрасят события, ничего, их можно простить: гордость за свой край обуревают. Но с тем, что в Краснодаре самые красивые женщины, – не согласиться невозможно. Что ни женщина – красотка, что ни девушка – картинка. Воистину это так. Старожилы утверждают, что место это и городище было построено, как крепость для защиты южных границ

Российской Империи. Во исполнение этой задачи и выхода к морям, отправила матушка – Екатерина в эти места целый полк красавцев – гренадеров. Службу свою несли они исправно, и городище разместили в красивейшем месте. Но только в одном терпели они ущемление – женщин не было. Начали гренадеры потихонечку приворовывать чужих жен и девушек кочевников, грузин, адыгов. Сильно рассердилась на это царица и повелела собрать со всех «весёлых домов» самых красивых женщин и отправить их сюда «для создания семьи и размножения». А для господ – офицеров отправила своих фрейлин. Так и повелся здесь самый красивый женский род. В благодарность за это назвали город Екатеринодаром. А может быть, казаки чего-то и приврали.

Лену с мужем я застал дома. После знакомства вручили они мне плотный пакет. Я не стал при посторонних его вскрывать, быстро попрощался и тотчас же помчался за город. Километров за двадцать от Краснодара съехал с основной трассы на уютную полевую дорогу и, пристроившись в тень тутовника, вскрыл его. Это были письма Толи. Пронумерованные по годам, написанные ровным спокойным почерком, поведали они мне всю историю «молчания» моего друга.

Братишечка, родный мой!

Если бы ты знал, как хочется мне увидеть тебя и опять шагнуть в наше прошлое. Но жизнь, к великому сожалению, ставит перед нами свои условия. Вот уже почти год я нахожусь на службе в Алжире. Ты ведь догадываешься насколько тяжело здесь сибиряку. Но служба есть служба! По ряду объективных причин, как ты понимаешь, вести с тобой открытую переписку не могу, поэтому буду писать (не отправляя) по одному письму за каждый год службы. Пусть они будут моим отчетом перед тобой и станут оправданием за длительность моего молчания...

Здесь со мной моя жена Светлана, а два месяца назад родился сын, которого назвали в твою честь – Владимиром. Так что знай, в далеком Алжире растет твой «крестник» - Пацуло Владимир Анатольевич.

Со Светланой мы познакомились на втором году учебы в Высшей школе милиции. У нас оказалась не только общая цель, но и общая судьба. У нее бандиты убили мужа, а у меня любимую невесту.

Володя, ты не подумай, что я забыл свою Тамару. Нет! Ее я буду помнить всю жизнь, как помнит ребенок свою маму и первую свою учительницу. Жена моя на сегодняшний день - моя радость и мое спокойствие. Правда, огорчил я ее не так давно. Два дня «обмывал» рождение сына. Света сейчас в декретном отпуске, и мы целыми вечерами «возимся» с сыном. У Светланы оказалась очень влиятельная в нашем ведомстве родня, - вот и поспособствовали они мне в этой командировке. Перестань хмуриться, - не знал я ничего о такой родне до свадьбы. А люди они действительно хорошие с ужасно горькой судьбой. Ах, если бы рядом с нами были бы такие люди, могло бы все сложиться по другому в нашей жизни. Хотя зачем эту жизнь менять? Она для каждого из нас своя и одна!

До конца года осталось два дня.

С Новым Годом, братишка!

Обнимаю. Толя.

«Да, далековато ты забрался, дружок», - пробормотал я, вскрывая второй ПИСЬМО.

«Володя! Пролетел, как миг еще один год.

За этот год удалось мне несколько расширить свои познания об этой стране. Основные наши хозяйственные и охранные подразделения расположены в самой столице. Средиземное море несколько облегчает нам проживание здесь. Недавно пришлось побывать в Сахаре. Вот где для сибиряка ад. Я эту недельную поездку вытерпел с трудом. Зато увидел то, чего, пожалуй, не познал бы никогда. Основное население страны арабы. По всей стране до сих пор видны следы владычества разных народов и государств: Османской империи, Рима, Франции. Народ, особенно сунниты, очень воинственны. Вооружены почти все. Стрельба слышна повсюду. В экономике страны до сих пор ощущается длительное присутствие здесь

французского капитала. Похоже, мы сюда делаем очень серьезные финансовые вливания и оказываем серьезную техническую и военную помощь. Я, братишка, в политике слаб, но судя по тому, как ведут себя здесь американцы, делаю вывод, что скоро нам надо будет отсюда убираться. Половина населения – крестьяне, которые, как мне кажется, недалеко ушли от рабовладельческого строя. Им вся эта политика не нужна. В случае военных действий, большинство из них станут воинами, и будут защищать свой скот и свои поля.

В семье все нормально. Крестник твой прекрасно растет, и ему местный климат идет на пользу. Света поговаривает о рождении еще одного ребенка, а я что-то остерегаюсь. Не знаю, как сложится наша жизнь в Союзе после окончания командировки. Мне нужно выдержать еще, как минимум, год. Через год жди нас в гости, и уедем мы все вместе в нашу Сибирь, в родную деревню. Здесь, кстати, отличные вина. Привезу обязательно.

Привет тебе от Светы и сына. Обнимаю. Толя.

Володя! Письмо после прочтения обязательно сожги.»

Выполнив просьбу Толи, не вскрывая третьего письма, заспешил к себе в Армавир.

До самого вечера мучило меня какое-то особое беспокойство. Руки мои раз за разом тянулись к третьему письму, но я каждый раз останавливал себя, решив прочитать его спокойно дома. Наконец-то я вскрыл последний тоненький конверт. Забегали перед глазами строки женского почерка.

Володя! Я выполняю последнюю волю Толи. Сейчас он без сознания и похоже уже из комы не выйдет. Заразился он в тропиках какой-то местной болезнью, с которой наши медики не справились. Он умирает у меня на глазах. Я плачу, видя его страдания и понимая свою беспомощность. Уходит от меня мой любимый Человек – моя надежда и опора. Осиротели мы с Вовочкой. Когда Толя был еще в сознании, попросил он меня переправить в Союз для тебя его письма. Он очень любил тебя.

Прощай. Дай Бог, еще свидимся. Светлана, Володя.

Заплясало все вокруг. Больно ударило по сердцу. Падая, выронил письмо, и оно, покружив в воздухе, упало белым лебедем на красный ковер.